

Владимир Фурс*

Тема «круглого стола» в хорошем смысле провокационна: она дестабилизирует профессиональное самомнение преподавателей философии и требует критического рассмотрения основных параметров бытования философского знания в университете. Сама формулировка темы кажется парадоксальной: зачем же преподавать знание, которое не нужно студентам? И является ли вообще знанием это невостребованное содержание преподавания? Или же, с другой стороны, стоит ли всерьёз беспокоиться тем обстоятельством, что философия оказывается знанием «не для всех» – ведь она такова уже «по своей природе»?

Но, по-моему, сегодняшняя «невостребованность» философского знания в университете никак не может быть сведена к тому, что студенты зачастую интеллектуально недостойны философии, или к тому, что в наши сверхпрагматичные времена они ориентированы на те виды знания, освоение которых помогает быть успешным в жизни. Конечно, всё это тоже имеет место, но больший интерес вызывает тот аспект невостребованности, который является оборотной стороной институционализированной чрезмерности предложения. Философия преподаётся в университете как обязательный предмет для студентов всех специальностей, при этом его содержание слабо соотнесено с системами релевантностей студентов, что порождает двусмысленность в статусе философии: она валидируется как значимое знание администрацией и преподавателями, но не воспринимается в таком качестве студентами. В перспективе последних философия предстаёт скорее как навязываемое квазнание, которое следует перетерпеть с минимальными издержками, т. е., лишь имитируя учёбу. Но и в позиции преподавателя философии обнаруживается двусмысленность, потому что его предмет и преподавательская деятельность служат средством воспроизводства институционализированной чрезмерности университетской философии, включающей, в частности, учебную нагрузку данного преподавателя. В результате преподавание философии оказывается во многом симулятивной практикой: одни делают вид, что учатся, а другие – что учат, главное в этих практиках состоит не в усвоении значимого знания, а в соблюдении формальных ритуалов учёбы и преподавания.

Подобные симулятивные практики – обычное дело не только при преподавании философии студентам нефило-

* Владимир Фурс – профессор департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва); vl.fours@gmail.com.

софских специальностей, но и на философских факультетах и отделениях. Мотивом выбора специальности зачастую являются не «достоинство» философии и её значимость для абитуриента, а то, что обучение по данной специальности представляется заманчиво лёгким путем получения университетского диплома. Своеобразие философии, отличающее её не только от точных, но и от других гуманитарных наук (истории, филологии), требующих большого объёма «позитивного» знания, состоит в крайней размытости границы, отделяющей знание от досужих фантазий. Поскольку объективных критериев здесь нет, то для определения уровня компетентности решающее значение имеют нормы, устоявшиеся в данном профессиональном сообществе. А поскольку эти сообщества в постсоветских странах, мягко говоря, далеки от совершенства, то в принципе любую ахинею можно представить как выражение авторской точки зрения. А это значит, что от студентов, обучающихся по специальности «философия», многого не требуется: достаточно обрести некоторую дискурсивную раскованность и компилятивные навыки, и можно успешно продвигаться с курса на курс вплоть до диплома.

Чрезмерная государственная «забота» об университетской философии, которая проявляется не только в «институционализированной чрезмерности» последней, но и в её бюрократической кодификации, – это, по-видимому, основной генератор симулятивности философии как учебной дисциплины. И я согласен с Виталием Лехциером в том, что ослабление этой «заботы» способствовало бы оздоровлению ситуации. Но этого недостаточно: критически важным вопросом является повышение уровня профессиональных сообществ университетских философов за счёт усиления их международной включённости. Ведь «самодеятельная» («лично-оригинальная» и т. п.) философия сама по себе едва ли может служить действительной альтернативой философии бюрократически или идеологически зарегулированной, потому что под личиной «оригинальности» легко может скрываться провинциальный дилетантизм. Интернационализация местных философских сообществ и международная транслируемость местной философской оригинальности – это не панацея, но верный путь к уменьшению доли мнимого знания в локальных философских практиках, будь то «официальных» или «альтернативных».

И всё же остаётся вопрос, без ответа на который двусмысленность «преподавания невостребованного знания» не может быть устранена, – это вопрос о действительной значимости самой философии сегодня. Только ответ на него позволяет увязывать философское знание и системы релевантностей его потребителей, решая тем самым проблему востребованности в преподавании философии. В общем плане можно обозначить два основных варианта ответа. Первый представляет философию как определённый запас знания или как определённый метод, который применим для решения различных практических вопросов публичной и частной жизни людей. При этом философия в своём фундаментальном со-

держании и «профанная» практика предстают как непосредственно не связанные. Такой вариант демонстрации «практической значимости» философии находит своё воплощение, в частности, в различных версиях «прикладной философии» и в «практической философии», понимаемой как совокупность жизненных наставлений, накопленных в различных философских и культурных традициях.

Второй вариант предполагает такую коррекцию философского самопонимания, которая раскрывает имманентную практичность теоретического ядра философии; рассмотрение постметафизического мышления и его последствий в современной философии позволяет не только отбросить как устаревшее представление о философствовании как самодостаточном теоретизировании, но и снабжает нетривиальным понятием практического, не сводимым к его житейскому пониманию.

Таким образом, основными слагаемыми решения проблемы, обозначенной в названии «круглого стола», мне представляются: 1) альтернативная институционализация преподавания философии; 2) повышение уровня профессиональных сообществ университетских философов посредством усиления их международной включённости; 3) осмысление «практического поворота», в разных формах осуществлённого современной философией.

Галина Русецкая*

Центральное понятие, явившееся стимулом для моего отклика, – «перформативное противоречие» – позаимствовано из доклада Виталия. Основной лейтмотив моей «реплики» – констатация неизбежности перформативного противоречия в случае, когда мы говорим о практизации философии, её востребованности, равно как и альтернативной институционализации. «Реплика» имеет следующую структуру:

- видимые для меня особенности философского знания, его достоинства, задачи, интерес к нему или отсутствие такового и в связи с этим:
- особенности преподавания философии,
- формы институционализации.

В определении достоинств философии сошлюсь на Ханса Ульриха Гумбрехта, который, правда, берёт шире – он пишет о гуманитарных дисциплинах. Сказанное им представляется уместным и в отношении философии в частности. По Гумбрехту, гуманитарные науки должны реализовывать свой потенциал в направлении интуитивно данных, новых форм мышления, предлагающего многообразные трактовки реальности (или того, что считается реальностью), ставя под вопрос наличные и находя новые проблемы. Это возможно при условии высвобождения из «ледяных объятий научности». Такой стиль мышления Гумбрехт называет рискованным, поскольку оно (мышление), во-первых, не опирается на сколько-нибудь выверенную методологию, во-вторых, оказывая благотворное влияние на «индивидуальные умы», подвергает опасности эрозийного воздействия социальные институты. Поэтому интеллектуальная деятельность гуманитариев должна быть ограничена рамками символического. Прямое практическое применение изобретённого гуманитариями, пожалуй, обречено на перерождение в нечто мало соотносимое как с интеллектуальной деятельностью, так и с необходимой преемственностью и непрерывностью повседневности.

Касательно позиции преподавателя философии по отношению к адресату. О самоидентификации позиции преподавателя философии, как мне представляется, можно говорить в очень слабом смысле слова. Преподаватель несамостоятелен хотя бы потому, что эмпирическая жизнь и жизнь философская одного и того же человека могут совершенно не совпадать. Или так: позиция преподавателя-философа существует благодаря всегда неверному её обозначению. Что каса-

* Галина Русецкая – магистр философии (ЕГУ, г. Вильнюс); индивидуальная практика в сфере психологического консультирования; ruset@bk.ru.

ется позиции слушателя (адресата), то она тем более уязвима; если она и существует, то с необходимостью будет выбита посредством нового знания, всегда травматичного.

Сложно представить, что означает «искреннее говорение в соответствии со своим присутствием». Ещё сложнее – «неискреннее говорение без соответствия своему присутствию». Говорящий (преподаватель), так или иначе, соотносится с тем, что он говорит, независимо от того, в рамках какой институции это происходит. Тем не менее, он заинтересован в «чём-либо побочном», то есть «неискренен». Речь, конечно, не идёт о вульгарном надувательстве или шулерстве. Позиция преподавателя расколота именно в силу необходимости донести знание до определённого адресата. Преподаватель обращается к субъекту (студенту), существующему в качестве нехватки, в данном случае нехватки знания. «Неискренность» заключается в том, что нужно обращаться к этой нехватке так, как если бы мы обращались к полноте. А так вообще метафора «до востребования» отличная. Адрес получателя действительно отсутствует до того момента, как будет получено послание. Но и адрес отправителя неизвестен адресату. Деперсонифицированная составляющая образа преподавателя имеет конститутивное значение для инициации обучающегося философии. А сохранение статуса невостребованного знания позволяет (студентам в частности) востребовать его всякий раз заново.

Одна из основных задач философии, как представляется, – благоприятствование частному самосовершенствованию при отсутствии гарантированного успеха. Любая попытка обнаружить практическую пользу сводит философию к той или иной сфере инструментального знания. Таким образом, можно предположить, что задача философии – в канализации того, что всегда остаётся за пределами практики, того, что подрывает привычный ход событий. (Практика понимается здесь как повседневность, поддерживаемая типизациями (А. Шюц).) Гарантия поддержания наличного положения дел, течения привычного хода событий – существование такой сферы, где привычное положение дел подвергается сомнению.

В качестве позитивных характеристик философии можно выделить диагностичность и терапевтичность. Терапевтические концепции содержат более или менее очевидное долженствование, а местами и предписание. Диагностические подкупают своей объяснительной силой, создавая эффект естественного положения дел. Они же обладают большим перформативным эффектом. Парадоксальным образом диагностический дискурс может быть более терапевтичным, нежели собственно терапевтический.

Опасность, или, вернее, избыточность практизации может привести к тому, что философия станет заниматься обоснованием очевидного. Это тем более вероятно, чем строже очерчиваются её цели и задачи, каковые, кстати сказать, наряду с пунктами «гипотезы» и «методы» на постсоветском пространстве до сих пор являются

необходимыми составляющими аттестационных работ. Потенциал философии, как представляется, проявляется в условиях «открытых концов повествования». Именно поэтому Гумбрехт предлагает обозначать гуманитарные науки как «Humanities of Arts».

Другая опасность (на сегодня мифическая или чисто теоретическая) состоит в возможности разрушения отлаженных повседневных практик, поддерживаемых типизациями. В качестве попытки избежать перформативного противоречия можно предложить использовать понятие «*производство присутствия*» (снова Гумбрехт). Если для успешного творчества гуманитариев необходима «башня из слоновой кости» (удалённость от практической повседневности, как утверждает Гумбрехт, только на пользу гуманитариям), то *философия присутствия* предлагает альтернативу противопоставлению созерцания и практики. В предисловии к работе 1926, обосновывая свой проект, Гумбрехт пишет о желании «выступить с чем-то не полностью скептическим». Жизнеутверждающая сила «эффетов присутствия» разворачивается в едином порыве творящего событие атлета и напряженно следящего за ним зрителя. Явление события требует как от творящего, так и от созерцающего растворения в происходящем, соучастия. Таким образом, практика перестаёт пониматься как нечто альтернативное созерцанию.

Утверждение присутствия в определённой степени агрессивно – в отличие от предложенного Виталием *послания до восребования*. Производство присутствия – это неинтерпретативная деятельность. Один из концептов, способных ухватить специфику феномена присутствия, – прямое действие. Это действие, противопоставленное бессилию, действие, вызывающее вокруг себя напряжение. Прямое действие вызвано субъективными причинами, но имеет последствия должного, принимается как закономерное, имеющее ряд следствий. Прямое действие выбивается из того, что Хайдеггер называет «усреднённой повседневностью». Прямому действию иногда сопутствует насилие в качестве особого эстетического феномена, характеризующегося отсутствием каких бы то ни было соображений выгоды (включая и познавательный интерес).

Конечно, Гумбрехт пишет о производстве присутствия как *интеллектуальной практике* (отличной от интерпретативной). Сознательно смещая акценты, попробую применить это понятие к проблеме институционального оформления философии.

В контексте преподавания философии *производство присутствия* есть утверждение необходимости такового (преподавания философии). Обоснование этой необходимости может быть любым, главное – оно должно быть услышано. Элемент насилия (как самоутверждения) неизбежен, если есть задача самосохранения. В Беларуси, к примеру, уже исчезли из списка обязательных дисциплин этика, эстетика, религиоведение, культурология, логика. Почему бы и философии не быть вытесненной на факультативные задворки? Здесь, как может показаться, есть противоречие (перформативное) с утверждавшимся выше статусом философии

исключительно как пространства частного самосовершенствования. Нужно принять его как неизбежное. Либеральное предложение заняться философией не должно произноситься извиняющимся тоном («не слишком ли вы обременены философией? а эстетикой, а логикой?»). Иначе это приводит к исчезновению площадок для такого самосовершенствования.

Касательно институционализации. Необходимо определиться, в чём состоит принципиальное различие между традиционной институционализацией и институционализацией альтернативной. Вопрос можно обозначить в двух аспектах – условно негативном и условно позитивном.

Негативный. Понятие «альтернативной институционализации» отчасти может быть представлено как оксюморон. Любая институционализация приводит к утверждению канонов, ограничивающих пространства поиска новых способов постановки вопросов. Поиски новых форм мышления выходят за границы любых институционализаций.

Позитивный. Чтобы не впасть в крайний негативизм, можно попытаться представить максимально «хорошую» институционализацию. Такая институционализация минимально ограничивает пространство курсирования «свободной мысли». Но право на реализацию проектов с претензией на новизну должно быть обосновано, по крайней мере в глазах тех (структур или людей), кто осуществляет финансирование. Неизбежность перформативного противоречия здесь налицо.

Если допустить, что альтернативная институционализация всё же существует, то с необходимостью существуют критерии, по которым она отличается от институционализации традиционной. Один из таких критериев – форма отношения с *Другим*, от которого институционализирующаяся философия зависит. В обоих случаях это специфически свой *Другой* – организации, люди, государство. Этот критерий можно охарактеризовать, прибегнув к метафоре А. Секацкого, которую он использует для описания эволюции авторства. Отношения с *Другим* определяются возможностью переключиться с регистра «расскажи мне обо мне» (запрос *Другого*) на регистр «расскажу вам о себе» (реализация «рискованного мышления»). Альтернативной, таким образом, можно назвать институционализацию, которая позволяет осуществлять это переключение.

Альтернативная институционализация ситуативна. Модель взаимодействия с *Другим* формируется исходя из взаимной заинтересованности – к примеру, в рамках политической конъюнктуры. Ситуативная институционализация гибче, поскольку предполагает учёт интересов организующихся сторон, в отличие от институционализации, воспроизводящейся по традиции. Традиционная институционализация с неизбежностью приводит к культивированию устоявшихся форм функционирования. А это, в свою очередь, к тому, что рутинные практики традиционно воспроизводя-

щихся институций становятся самоцелью. Для поддержания чувства собственной значимости в глазах большого Другого (государства) приходится выполнять идеологический госзаказ и симулировать, а то и вовсе пресекать всякую креативную деятельность.

Таким образом, философия в качестве философствования – пространство поиска новых форм мышления. В рамках преподавания она – стимулятор приватного самосовершенствования, диалог с элементами провокации, в котором позиция преподавателя обозначается, но она не есть то, что обозначается. В качестве институции – форма кооперации с нефилософскими структурами, позволяющая получить избыточный результат в виде возможности «практиковать» «рискованное мышление».